

Бердников Д.В.
ведущий государственный судебный эксперт
ФБУ Курская ЛСЭ Минюста России,
кандидат медицинских наук

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ СУДЕБНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Рассматриваются проблемы и перспективные направления развития СПЭ с позиций разработанности экспертных критериев судебно-психологической оценки юридически значимых особенностей подэкспертных лиц. Отмечается необходимость проведения основанных на практике научных изысканий в данной области экспертизы.

Ключевые слова: экспертиза, судебная психология, моральный вред, полиграф, порнография, правоприменитель

D. Berdnikov

Lead forensic examiner Kursk Laboratory of Forensic Science of the Ministry of Justice of the Russian Federation, PhD (Medicine)

PROBLEMS AND PROMISING TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF FORENSIC PSYCHOLOGY

The paper examines key problems and encouraging trends in the evolution of forensic psychology, in terms of elaboration of expert criteria for the forensic psychological evaluation of legally relevant characteristics of examinees. The need for continued practice-based scientific inquiry in this area of forensic science is emphasized.

Keywords: forensic science, forensic psychology, moral damage, polygraph, pornography, legal practitioner.

Бурное развитие судебно-психологической экспертизы (далее СПЭ) было определено изменением уголовного кодекса РФ в январе 1997 года, появлением в нём в последующем новых статей и поправок, в существенной степени учитывавших субъективную сторону преступлений. Были разработаны её теоретические и методологические основы, выкристаллизовались теперь уже классические предметные и появились новые виды экспертиз. В то же время сложившаяся практика показывает наличие сложных для экспертов моментов

как в традиционных, так и в новых направлениях исследований. Это обусловлено не только расширением использования в судопроизводстве психологических знаний, но и изменениями процессуального законодательства, иным подходом следственных органов к оценке результатов уже устоявшихся видов экспертиз. При этом, как и ранее, центральной проблемой СПЭ остается разработка экспертных критериев судебно-психологической оценки юридически значимых особенностей подэкспертных лиц [8].

Так, в СПЭ способность свидетеля (потерпевшего) правильно воспринимать обстоятельства и давать о них показания традиционно определяется именно «способность», относящаяся к конкретным обстоятельствам дела. Считается, что «идеальный» свидетель (потерпевший) понимает внешнюю сторону и внутреннее содержание событий или действий. Снижение же интеллектуального уровня, конкретность мышления, недоразвитость высших форм запоминания, недостаточный уровень общих сведений и знаний могут обуславливать неспособность малолетних и несовершеннолетних подэкспертных правильно воспринимать интересующие обстоятельства ситуации и давать о них показания. В то же время показания о внешней, фактической стороне событий уже могут быть полноценными доказательствами по делу [6]. В результате следственные органы стали чаще рассматривать заключение эксперта с позиций «доверять» или «не доверять» показаниям свидетеля (потерпевшего). В таком случае, не будут ли для следствия более предпочтительными выводы о наличии у детей и несовершеннолетних конкретности мышления при сохранном механическом запоминании без понимания внутреннего содержания ситуации, т.к. у них снижена способность к переработке информации и продуцированию «замещений»?

Несмотря на появление научных работ о судебно-психологической экспертизе по спорам между родителями о воспитании и месте жительства ребёнка, разработке основных принципов её проведения до последнего времени остаются неясными критерии принятия экспертного решения по многим вопросам [9, 13]. Например, чем руководствоваться, если мотивация такого судебного разбирательства обоих родителей связана с решением материальных вопросов, а не с интересами ребёнка? Является ли существенным выявление психологического влияния на высказанное желание и отношение ребёнка со стороны одного из родственников, если ребёнок интериоризировал индуцируемые установки? Как строить обоснованный прогноз возможных последствий передачи ребёнка на воспитание каждому из родителей, если при прочих равных ребёнок недифференцированно относится к обоим родителям и в большей мере привязан к другим родственникам? Каковы критерии определения рекомендуемого порядка общения с ребёнком одному

из родителей, если ребёнок «заменил» его новым супругом другого родителя? Можно ли рекомендовать устанавливать порядок общения родителя с ребёнком, если такое возможно при проведении психокоррекционном и психотерапевтическом вмешательстве? В подобного рода экспертизах актуальным остаётся учёт не только интересов ребёнка, но и гражданских прав родителей. Не менее важным является исключение травмирующих психику ребёнка методов диагностики и принимаемых экспертных решений.

В судебно-психологической экспертизе по делам о компенсации морального вреда остаётся неясным вопрос о том, действительно ли степень изменений в психической деятельности является ключевым критерием в определении его наличия [15, 16]. Как в таком случае быть с эмоционально стабильными и стрессоустойчивыми людьми, которые при прочих равных, в сравнении с эмоционально нестабильными, не будут иметь существенных изменений в психической деятельности. В то же время само обращение человека с подобным ис ком в суд является фактом, указывающим на наличие соответствующей субъективной оценки состояния. Возможно, основной задачей данного вида экспертизы является не установление собственно факта наличия/отсутствия «вреда», а выявление необходимых причинно-следственных связей между оказанным воздействием и его результатом. Такой взгляд акцентирует внимание на анализе поведения причинителя «вреда» и не исключает учёта степени изменений в психической деятельности пострадавшего. Одновременно этот подход может позволить судьям рассматривать компенсацию морального вреда как различную степень «наказания» виновного, а не как «компенсацию» потерпевшему [4].

Существенным толчком к развитию новых и перспективных направлений психологических исследований стала разработка методики проведения экспертизы и принципов анализа текстов предположительно экстремистской направленности [10]. Так, определение объекта судебно-психологической экспертизы информационных материалов как «текста» и продукта психической деятельности, представляющего собой замкнутую систему иерархической содержательно-смысловой структуры элементов, предмета как зафиксированных и отражённых в тексте особенностей функционирова-

ния психической деятельности автора, имеющих юридическое значение и влекущих правовые последствия, и использование мотивационно-целевого анализа позволяет на научной основе разрабатывать и проводить широкий спектр судебных исследований [1, 5]. К ним могут относиться экспертизы по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации, предсмертных записей, текстов с угрозами, аудио и видеозаписей по делам о вымогательстве или даче взятки, рекламных, пропагандистских и иных материалов. Повидимому, в них ключевым является установление выраженного в тексте намерения автора сформировать у адресата установку на некое восприятие и поведение.

Эти же теоретические и методологические принципы могут лежать в основе разработки и производства комплексных экспертиз по делам о распространении порнографических материалов, спрос на которые в силу введения ч. 3 ст. 242 УК РФ и перевода преступления в разряд тяжких резко возрос. Основной проблемой в этом случае является единственное и, по нашему мнению, неудачное определение «информации порнографического характера», данное законодателем в ст. 2 п. 8 ФЗ №436-ФЗ от 29 декабря 2010 года «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»: «информация, представляемая в виде натуралистических изображения или описания половых органов человека и (или) полового сношения либо сопоставимого с половым сношением действия сексуального характера, в том числе такого действия, совершаемого в отношении животного». Несмотря на то, что в нём заложены четыре группы признаков порнографии: 1) натуралистическое изображение или описание половых органов человека; 2) натуралистическое изображение или описание полового сношения; 3) натуралистическое изображение или описание сопоставимого с половым сношением действием сексуального характера; 4) натуралистическое изображение или описание сопоставимого с половым сношением действием сексуального характера, совершающегося в отношении животного, под него попадают медицинская (по анатомии, физиологии, сексологии) и обучающая («Камасутра») литература и фильмы («Калигула», реж.: Тинто Брасс, Боб Гуччионе, 1979). С другой стороны, в него не входят видеозаписи с участием малолетних, одетых в кружевное бельё

и совершающих сексуальные действия, используемые педофилями в качестве сексуального фетиша. Представляется, что при разрешении экспертом вопроса о том, имеются ли в представленных материалах признаки информации порнографического характера, базовым критерием должна быть цель создания подобного материала [2, 14].

Слабо разработанным, но не менее актуальным направлением судебно-психологической экспертизы, особенно после изменения в УПК института понятых, является исследование видеозаписей оперативный действий, допросов и проверки показаний на месте. В данном случае наиболее важным для следствия является установление того, давал ли фигурант дела зафиксированные на видеозаписи показания добровольно или вследствие оказания на него «неправомерного» психологического воздействия, что, как правило, бывает в случае изменения показаний обвиняемым на конечной стадии следствия. При этом изучение данной проблематики через анализ «наводящих вопросов» представляется перспективным, но существенно сужающим возможности СПЭ. Видимо, при анализе видеозаписей необходимо исходить из того, что при допущении возможности оказания воздействия на подозреваемого / обвиняемого в его поведении проявляется конфликт мотивов. С одной стороны, существует стремление избежать уголовного преследования и наказания, которое само по себе вызывает некоторое эмоциональное напряжение, с другой - данный человек стремится уйти от негативных последствий, обещанных воздействующими, что также способствует эмоциональному напряжению. При этом на психофизиологическом уровне это проявляется в разнонаправленных лимбико-кортикальном и корково-лимбическом возбуждении, которые накладываются друг на друга. Данные возбуждения суммируются, приобретают новые качества, что проявляется в эмоциональном состоянии, в рассогласовании невербального и вербального поведения, намерений и смыслов, заметном в нелогичности, несогласованности отдельных фрагментов высказываний и в несоответствии их основному мотиву поведения. Также следует помнить о ситуациях с самооговором, когда человек сознательно берёт на себя чужую вину, пытаясь защитить другого. В то же время не следует забывать и о том, что изменение процессуального статуса, зафиксированного в видеозаписи

следователя или оперативного работника на «подозреваемый», позволяет эксперту анализировать его поведение, что существенно расширяет возможности анализа всей ситуации взаимодействия.

В последнее время в экспертном сообществе идёт дискуссия о выделении в самостоятельный вид психофизиологической экспертизы, что в основном связано с широким применением полиграфических исследований. При этом нет единого научно обоснованного мнения о предмете, объекте и основных задачах этого вида экспертизы. Рассмотрение данной проблематики с научных позиций показывает, что содержанием психофизиологии как специальности является изучение нейронального уровня системных мозговых механизмов, лежащих в основе психических процессов и индивидуальных различий. По своему определению психофизиология является междисциплинарной областью исследования, находящейся между физиологией и психологией. Соответственно, психофизиологическая экспертиза должна раскрывать нейро-физиологические основы высших психических функций и поведения. Возникает вопрос о том, насколько именно это, а не собственно поведение обвиняемого / потерпевшего / свидетеля важно для правоприменителя. Более того, во-первых, психофизиологические особенности, лежащие в основе индивидуальных различий, всегда учитываются в рамках проводимого системного анализа при судебно-психологической экспертизе (например, темперамент). Во-вторых, психофизиологические методы чаще раскрывают лежащие в основе поведения человека его функциональные состояния, которые могут скоротечно меняться. При производстве же экспертизы важна ретроспективная диагностика состояния, возникшего в период развития криминальной ситуации. На данном этапе развития науки для этого применим лишь метод диагностики саморегуляции психофизиологического состояния, разработанный Л.Г. Дикой и позволяющий в совокупности с ОРДПС отразить расход энергетических ресурсов человека в какой-либо ситуации[3]. В-третьих, собственно нейрофизиологические особенности уже учитываются правоприменителем при их патологическом влиянии на высшие психические функции и поведение человека, например, при эпилепсии, что рассматривается в рамках судебно-психиатрической экспертизы. Всё это позволяет предполо-

жить, что психофизиологическая экспертиза не может существовать как самостоятельный вид, а методы психофизиологии должны использоваться в рамках системного анализа при судебных психологических и психиатрических экспертизах.

Из этого вытекает правомерный вопрос о научном и правовом статусе использования полиграфа и проводимых с его использованием экспертиз. Практически все исследователи фиксируют своё внимание на том, что в качестве регистрируемых параметров используются психофизиологические показатели регуляции вегетативной нервной системы, изменяющиеся в ответ на значимые для человека стимулы, позволяющие устанавливать его информированность об интересующем событии [17]. На этой почве среди учёных возникают многочисленные споры о том, что в данном случае исследуется: содержание памяти или нечто иное, позволяющее судить об информированности. Рамки данной статьи не позволяют вдаваться в подробности научных теорий и концепций памяти, но мы можем однозначно утверждать, что изучение собственно содержания памяти человека пока недоступно для современной науки. В тоже время её неспецифический компонент, проявляющийся в вегетативных изменениях, успешно регистрируется полиграфом. Однако данные реакции также являются неспецифическими. К тому же они не раскрывают нейрональный уровень организации системных мозговых механизмов, а их значение интерпретируются специалистом во взаимосвязи с предъявляемым стимулом. Уже только это позволяет исключить полиграфическое исследование информированности человека о каком-либо событии из категории психофизиологических (при использовании психофизиологического метода). Наиболее приемлемые же теоретические основы полиграфического исследования изложены в работах С.И. Оглобина, А.Ю. Молчанова, В.Г. Рубцова и Ф.К. Свободного, согласно которым опрос с использованием полиграфа представляет по своей сути не что иное, как психологический эксперимент по диагностике субъективной значимости для испытуемого предъявляемых ему имеющих юридическое значение стимулов [7, 11, 12]. В своих последних работах Ф.К. Свободный, хотя и называет полиграфическое исследование психофизиологической экспертизой, но рассматривает его уже как вид судебно-психологических экспертиз. В

то же время предложенные автором определения объекта и предмета не отражают в полной мере сути экспертизы, требуют более адекватной трактовки. Возможно, частным объектом данной экспертизы при её определении как «полиграфической» являются неспецифические психофизиологические реакции человека, возникающие в ответ на специфические, юридически релевантные стимулы, а предметом – неспецифические психофизиологические реакции человека, свидетельствующие о его информированности о юридически значимой ситуации. В любом случае существующий уровень проработанности данной проблематики ещё не позволяет однозначно определять опрос с использованием полиграфа как экспертизу, но не исключает его использование в рамках оперативно-розыскной деятельности.

Обобщая изложенное, можно отметить, что интенсивное развитие судебно-психологической экспертизы и появление новых направлений использования психологических знаний в судопроизводстве открывает широкое поле для отдельных, основанных на практике научных изысканий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бердников Д.В. Психологическое исследование экстремистского текста: теоретические аспекты // Теория и практика судебной экспертизы – 2014. – № 4 (36). – С. 10-15.
2. Бердников, Д.В. О возможном подходе к проблемам психолого-искусствоведческой экспертизы // Актуальное состояние и перспективы развития судебной психологии в Российской Федерации: Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. – Калуга, 26-29 мая 2010 года. – С. 73-77.
3. Дикая, Л.Г. Психическая саморегуляция функционального состояния человека (системно-деятельностный подход). М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2003. – 318 с.
4. Карманова, Е.В. Компенсация морального вреда: проблема определения размера. // ВУЗ. XXI век. – 2013. – №1. – С. 60-68.
5. Кукушкина, О.В., Ю.А. Сафонова, Т.Н. Секераж. Теоретические и методологические основы судебной психолого-лингвистической экспертизы текстов по делам, связанным с противодействием экстремизму. – М.: ГУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2011. – 326 с.
6. Медицинская и судебная психология. Курс лекций: учебное пособие под ред. Дмитриевой Т.Б., Сафуанова Ф.С. – М.: Генезис. – 2009. – 606 с.
7. Рубцов В.Г. О содержании криминалистической характеристики противодействия расследованию // Сборник материалов криминалистических чтений. – 2010. – №6. – С. 56-59.
8. Сафуанов Ф.С. История развития судебно-психологической экспертизы // Психология и право. – 2014. - №3. – С. 125 – 136.
9. Сафуанов Ф.С., Харитонова Н.К., Русаковская О.А. Психолого-психиатрическая экспертиза по судебным спорам между родителями о воспитании и месте жительства ребёнка. – М.: Генезис, 2012. – 192 с.
10. Секераж Т.Н. Актуальные вопросы психологического исследования материалов по делам, связанным с проявлениями экстремизма. Психология и право. – 2014. – №4. – С. 88-98.
11. Свободный Ф.К. Судебная психофизиологическая экспертиза с использованием полиграфа как новый вид судебной психологической экспертизы // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2011. - №1(19). – С. 163-168.
12. Свободный Ф.К. Практика производства судебных психологических экспертиз информированности личности о расследуемом событии // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2013. – №52. – С. 82-86.
13. Харитонова Н.К., Сафуанов Ф.С., Вострокнутов Н.В., Русаковская О.А. Методологические основы проведения комплексных судебных психолого-психиатрических экспертиз при спорах о праве на воспитание детей. Методические рекомендации для экспертов // Теория и практика судебной экспертизы. – 2014. - №3 (35). – С. 93-106.
14. Холопова Е.Н., Лютая Н.В. Правовые основы комплексной психолого-искусствоведческой экспертизы порнографической продукции // Современное состояние и перспективы развития новых направлений судебных экспертиз в России и за рубежом. – Калининград, 2003. – С. 119-130.
15. Шипшин С.С., Калинина А.Н., Бердников Д.В. Методические рекоменда-

- ции по производству судебно-психологической экспертизы по делам о компенсации морального вреда // Теория и практика судебной экспертизы. – 2010. – №4 (20). – С. 309-320.
16. Шипшин С.С., Бердников Д.В., Калинина А.Н. Судебно-психологическая экспертиза по делам о компенсации морального вреда. Методические рекомендации – М.: РФЦСЭ при Минюсте России, 2011. – 89 с.
17. Шипшин С.С. К вопросу о предмете и объекте комплексной психолого-психофизиологической экспертизы / Электронный журнал «Психологическая наука и образование psyedu.ru». – 2013. – №4. – С. 123-131.